

НАША СТРАНА

Год издания—55-й. Буэнос Айрес, суббота 13 сентября 2003

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 13 de septiembre de 2003 № 2738

МИРАЖИ СОВРЕМЕННОСТИ

ИДОЛИЩЕ ПОГАННОЕ

Мы когда-то с радостью, с гордостью за наш народ, и со светлыми надеждами на его грядущее, следили за горсточкой смельчаков, ниспровергавшей уродливую статую кровавого палача, одного из худших злодеев нашего времени, Феликса Дзержинского.

И что же? Идет речь, все более всерьез, о том, чтобы памятник сему чудовищу восстановить!

Что может быть нелепее и постыднее?!

Если этот символ тирании и террора будет заново вознесен над Россией, то это будет непререкаемым свидетельством того, что большевизм — пусть под измененным названием, и даже измененными методами, — продолжает на деле ею править.

САМООБМАНЩИКИ

Развелись теперь в эмиграции люди, которые хотят нас уверить, будто на территории (сильно урезанной...) бывшего СССР создавалась какая-то "новая

Россия", которой мы должны служить и на которую умиляться.

Это ложь господ! Это не та Россия за которую мы боролись во времена Белого и Власовского Движения.

Талантливый польский писатель, друг русских, Иосиф Мацкевич говорил, что Советская Россия не есть продолжение Царской России, но ее противоположность и ее отрицание.

А теперешняя Россия, — точнее Р. Ф. — все настойчивее декларирует себя именно преемницей советского строя, а о старой, прежней России отзывается с вызывающим пренебрежением.

Не хочу уж заводить речь о всяческих символах, — красный флаг, пятиконечная звезда, гимн и прочее. Но мы знаем, что власть там осталась в руках большевицкой номенклатуры. А сия номенклатура всегда представляла собою паразитов на теле нашей родины. Но прежде они все же не имели целью ее убивать, ибо должны бы были погибнуть вместе с нею. А теперь, построив

себе замок на Крите, и открыв счет в швейцарском банке они ничем не стесняясь рвут ее в клочья и продают оптом и в розницу ее врагам на Западе и на Востоке.

И вот вы, эмигранты, простирающиеся ниц перед Путиным и К^о предлагаете нам под их преступлениями подписаться!

Это — никогда! Мы на это не имеем права. Это было бы изменой и нашим отцам и дедам и всему тому, что мы делали сами до сих пор.

Да и люди там никак не считают кремлевских вождей выразителями своих желаний. О том, как тяжело там приходится порядочным людям, мы слышим каждый день.

Не только власти, — и Московская Патриархия там не хочет или пока не может отмыться от прежней скверны служения Сталину. Характерно, что деятели Константинопольского Экзархата отнюдь и не стремятся объединиться с Москвой, — хотя именно из их рядов выходят в первую оче-

редь новоявленные поклонники псевдовозрожденной России.

Мы к их рядам не примкнем. До тех пор пока там вещи в самом деле не переменятся. Чего мы желаем и о чем мечтаем, но чего покамест и в помине нет.

Наше дело — сохранить свободу и быть, как прежде, голосом всего самого лучшего, что есть на родине, — но это пока остается придавленным грузом советчины, — страшной, хотя уже и мертвой. И грузом рабов враждебного иностранного мира, чуждых национальным интересам и цинично их презирающих.

Да и во внешнем мире, — что же это за новая Россия, прежде всего ищущая дружбы с коммунистическим Китаем и другими остатками прежних союзников и клеветов большевизма?

Искренне или лживо, а все вы, новоявленные (лже)патриоты служите тому, кому Христос сказал: Vade retro!

ЕЛИЗАВЕТА ВЕДЕНЕЕВА

ПОЧТИ КОРОЛЕВА

Так называет, в некрологе, журнал "Пуэн де Вю" графиню парижскую, скончавшуюся 5 июля сего года. Другое имя журнал несколько раз повторяет: "Благородная дама". Вполне заслужено: жена претендента на французский престол (и с недавнего времени его вдова) прожила свою долгую жизнь с неизменным достоинством. Даже враги монархии, которых много, ничего плохого о ней сказать никогда не могли.

Французские роялисты, те ее называли более коротким и выразительным именем: "Государыня". Конечно, она и была королевой; только к сожалению, de jure, а не de facto.

Впрочем, царственные права она имела, помимо того, что через брак, и от рождения: принцесса Изабелла Браганская и Орлеанская была правнучкой бразильского короля и внучкой регентши Бразилии "Изабеллы Освободительницы", которая причинила потерю

трона своему отцу, освободив от рабства негров (может быть слишком поспешно: рабство все равно умирало, и от него в Бразилии мало что оставалось).

Любопытно, что в жилах принцессы Изабеллы текла также и славянская, как факт чешская кровь через ее мать княгиню Елизавету Добрженскую.

Так что и детство ее прошло в нормандском имении Э, наследии ее деда, графа д'Э, то в Богемии, в поместье рода Добрженских Хотиборе. Впрочем немало времени проводит она и в Бразилии; португальский язык был для нее почти родной.

Выйдя замуж, — по любви, — за своего кузена Генриха Орлеанского, ставшего вскоре графом Парижским и претендентом на французский престол (в силу чего, на долгие годы изгнанником: закон, запрещающий наследникам

трона жить во Франции, был отменен лишь после войны), она родила ему в дальнейшем 11 человек детей.

Словно поставив себе задачу, чтобы род Бурбонов никак не угас. В результате у нее осталось 40 внуков и внучек, 53 правнука и правнучек...

Как не вспомнить королеву Викторю, бабушку монархической Европы!

Однако ни один из отпрысков графини парижской не занимает трона. Не те времена, — и никак не скажешь, чтобы теперешние были лучше, чем прежние...

Один момент, во время и сразу после Второй Мировой, казалось даже, что монархия может быть восстановлена во Франции. Увы, наследие проклятой революции слишком въелось французам в плоть и кровь.

Теперь постоянно слышишь или читаешь о какой-либо женщине, что мол она преждевременно состарилась и поте-

рjala здоровье из-за частых беременностей.

Однако графине Изабелле рождение многочисленных детей не помешало дожить до глубокой старости. И если она когда-то была (так о ней сказал царь Фердинанд Болгарский), "самой красивой принцессой Европы" то и до последнего времени она оставалась красивой и величественной женщиной.

Набор фотографий в "Пуэн де Вю" это ярко подтверждает.

Графиня оставила книгу своей автобиографии "Tout m'est bonheur", т. е. по русски, примерно "Для меня повсюду счастье".

Хотя ей и пришлось пережить немало жестоких испытаний. Но ее укрепляла нерушимая вера в Бога, которая и помогла ей с честью пройти трудную дорогу супруги претендента на престол.

ГЕННАДИЙ КРИВАГО

"НОВЫЙ МИР" № № 1 И 2 ЗА 2003 ГОД

Уровень беллетристики, в целом, необычайно низок. "Питомник" Е. Шкловского, "Вниз по лестнице в небеса" О. Павлова (№ 2), "Отдай мое" М. Тарковского, — вялые, иногда неприятные, а главное, безнадежно скучные очерки. По счастью, есть все же исключения. В номере 1, "Несколько торопливых слов любви" Д. Рубиной — 10 рассказов о душевнораздирающих трагедиях жгучей страсти (на фоне, в основном, быта русских евреев); впрочем в рассказе "Волшебные сказки Шарля Перро" автор доказывает, что может столь же блестяще выступать в области юмора.

В номере 2, "Крестный ход" Г. Петрова поражает другим. Это набор благочестивых повествований вокруг икон царственных мучеников, Царя Николая Второго с семьей. Рассказ напоминает по духу некоторые работы Старого Кирибея, печатавшиеся некогда в "Нашей Стране".

Признаться, — глаза своим не поверил! Ждал, что сюжет обернется насмешкой, снижением... но нет; идея автора остается строго выдержанной до конца. Айда "Новый Мир"! Поздравляем...

Ю. Каграманов, в статье "Exploratoribus laus" в № 1, правильно предугадал развитие событий: что исламистский экстремизм обернется против стран умеренного мусульманства. Террористические акты на Бали и в Марокко целиком его прогноз подтвердили.

С. Аверинцев ("Несколько мыслей о "евразийстве" Н. С. Трубецкого" в № 2) сильно передергивает. Возражая Трубецкому на увы справедливые слова, что "птенцы гнезда Петрова" были в большинстве проходимцами,

он ссылается на Ломоносова (мог бы и на Пушкина!). Но это были явления уже совсем иной эпохи. Мы не знаем, как бы они реагировали на убийство царевича Алексея и многие другие ужасы в правление великого преобразователя живи они тогда. Впрочем, в низах, наверное, многие честные люди верно служили Петру. А на верхах Меньшиков, Толстой, Проктопович, они-то порядочностью никак не отличались.

В том же номере В. Сендерович ("Солидаризм — третий путь Европы?") пытается нам доказать, что идеология солидаризма есть нечто очень хорошее, и что она может спасти мир. К сожалению, он так и не умеет нам объяснить, в чем эта идея состоит; а когда пробует к ней притянуть Хомякова и Владимира Соловьева, то становится уж вовсе неудачливым.

Там же на 100% согласимся с А. Латыниной по вопросу о Чечне. Допустим, война ведется жестоко с обеих сторон; но несомненно, что главную ответственность за это несут чеченцы ("Этническая данность, именовавшаяся Россией").

Е. Ермолин, в статье "Идеалисты" (в № 2) хочет дать свои определения термину "интеллигент", и отождествляет его со словом "идеалисты". Оно отчасти и верно; но получается нечто зыбкое и противоречивое, на что легко можно бы и возразить.

Как и прежде, много интересного мы находим в отделе "Библиографические листки".

В интервью для испанской газеты "El País", В. Соркин рассказывает как он ест свои экскременты. — В. Живов, в "Еженедельном Журнале" огорченно конста-

тирует: "70 лет советской власти оставили нам в наследство не слишком хороший человек элиты, не отличавшиеся пристойным гуманитарным "кругозором". Редакция возмущенно спрашивает: "Кто эти мы...?" Но ведь ясно — Россия, русские патриоты (включая и нас).

В "Литературной Газете" В. Сироткин рассказывает о том, что антимонархический всероссийский съезд в Париже в 1904 году, с участием Милюкова и Чернова работал на японские деньги, поскольку Японии в тот момент надо было ослабить Россию. В "Известиях" Солженицын говорит следующее: "Дзержинский — красный палач. Его фигура стала символом и знаменем карательных органов в СССР. Восстановление его памятника было бы надругательством над миллионами погибших в лагерях".

В № 2 отметим, для характеристики Л. Гумилева, его слова М. Ардову о Христе: "Но мы-то знаем, что Он воскрес!" (в газете "Время"). В "Москве" И. Зернов пишет: "Монархическое сознание исходит из того, что люди от природы не равны между собою по причине воспитания, способностей, наследственности. Следовательно, справедливость требует различного подхода к ним, отсюда — острая реакция на своеобразие людей, отстаивание индивидуального подхода к человеку". Его статья называется: "Монархия, как высшая стадия демократии".

А. Зиновьев, в "Нашем Современнике", заявляет: "Пока Зиновьев с его результатами социального анализа не будет

официально признан в России и максимально использован — не поднимется Россия". Ну, а может быть было... Очень любопытно высказывание И. Ивойловой, начальницы Института Криминалистики РФ в газете "Труд", о турунской плащанице: "То, что ей вполне может быть 2000 лет и она несет на себе следы человеческого тела — факт. И в том, что человека, перед тем как распять, долго пытали, тоже доказано". Н. Калягин в "Москве" говорит о шести последних русских царях: "Это герои Софокла, злым античным роком перенесенные в роман Троллопа или в пьесу Сарду. Наверное, это и самые интересные люди в мировой истории Нового Времени".

В отделе рецензий в № 2, С. Костырко касается, — жаль, что вскользь и поверхностно, — проблемы сношений России с Тибетом, Индией и буддизмом в конце XIX века, в частности, в связи с поездкой наследника престола на Дальний Восток и с фигурой князя Э. Ухтомского.

В № 1, в отделе обзоров, В. Губайловский, по вопросу о "научном атеизме", восклицает: "Как атеистом может быть ученый — человек, поразивший красотой и гармонией реального мира? Как он отвечает на вопрос об источнике этой гармонии?"

Общее впечатление о состоянии сегодня русской интеллигенции, если судить по "Новому Миру", — сумбурные метания в атмосфере сумерек. Сумерки перед рассветом или перед погружением в беспросветную ночь? Будущее покажет.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

У ПОЭТОВ СВОЙ ЗАКОН

Отыскать свое "я", самого себя — сквозь жесткую внешнюю цензуру и свою собственную внутреннюю замутненность — было самым тяжелым и мучительным заданием для любого честного подсоветского литератора.

В начале 60-х годов Владимир Солоухин как-то обронил, что он полностью прозрел и это необратимо: в слепых можно ходить сто лет, но раз увидев правду, от нее уже не уйдешь. Однако преломить это в своем творчестве ему в тот момент не удалось: неожиданная болезнь лишила его необходимой энергии, чтобы высказать все то, взрывоопасное, что наполнило его душу.

Будущий Солоухин — православно-монархист — в ту пору лишь временами (хотя весьма зримо) проступал в завораживающих, упругих толчках его строк. Писатель находился на перепутье.

Но у поэтов существует "свой закон": то, что они пишут о себе, о своих чаяниях, всегда претворяется в жизнь. Так, Анна Ахматова, услышав у Цветаевой в стихах нечто о смерти, воскликнула: "Ты с ума сошла! В поэзии все сбывается!"

Осуществился этот закон и у Солоухина, в молодости написавшего стихотворение "Колодец", Колодец, который "жив, пока

народ поит". В этих стихах — поразительная струна высокой поэзии, и такие строки: "Душевной влаги не таи, но глубже чернай и пои!"

Когда-то этого крупнейшего и самобытнейшего писателя поразила рассказ о Страдивари: тот употреблял для своих драгоценных скрипок дерево, в которое ударила молния... С точки зрения законов физики вполне допустимо, что это дерево было особенным — в природе энергия не пропадает, а переходит из одной формы в другую!

Под впечатлением прочитанного о Страдивари, употребляя слова которые могли бы ему вернуть промыслительный порыв, он написал:

Вот, что дереву нужно,
Чтоб начало петь,
Редкий жребий,
Чтоб горный огонь снизошел,
Чтоб вдоль по волнам тугим
До корней прокатилась гроза,
Опалив, закалив,
Словно война сердце в бою,
.....
Я созрел, я готов, я открыто стою,
О ударьте в меня небеса!

"Ну вот небеса и бабахнули", свидетельствовал Владимир

Алексеевич. Через некоторое время автор "Черных досок" говорит сам себе: "Ты хотел, чтобы небеса ударили в тебя, они и ударили и тебе дан дополнительный срок, чтобы ты написал свою главную книгу". К 1976 году она была готова. В "Последней ступени" ярчайшим образом описано как он прозрел, что понял, что увидел зорким глазом художника...

Как он призывал в своем "Колодеце" (не случайно, до последних дней, выступая на литературных вечерах, неизменно читал его) крестьянский сын из крошечного села Алепина "черпнул глубоко". Увы, "поить" зачерпнутым в те годы он еще не мог. Нельзя было и помышлять об издании такой книги. Автор лишь размножил ее в количестве 6 экземпляров и отдал на хранение в надежные руки.

Время шло, чувство опасности постепенно притуплялось и спустя несколько лет "Последняя ступень" наконец вышла в свет.

Разрушители России буквально взвыли. Они не могут ни забыть, ни простить знаменитому писателю, что он в этом труде убедительно и последовательно ответил на главный вопрос: так что же произошло в России в XX веке?

Он уже не рассказывал о грибах, о травах, о камушках —

хотя и об этом он писал великолепно, на тончайшей лирической ноте, заботясь о судьбах родной природы задолго до того как слово экология вошло в моду.

Теперь он показал свой высокий полет и как верный сын Исторической России, рассуждая о стране с предельной смелостью. Его слова отозвались трепетной вибрацией в сердцах многих русских людей. С только ему присущим глаголом он охарактеризовал красный террор, оценил истинную суть советско-германской войны, отчеканил все самое основное о судьбах русского народа.

За это писателя, которого отпевали не где-нибудь, а в возрожденном после большевицкого надругательства Храме Христа Спасителя, теперь казнят молчалием: за все шесть лет после его смерти, в России не была переиздана ни одна из горь его книг.

Тем не менее, он жив в душе каждого русского патриота и если России суждено воскреснуть, то бесконечно талантливые творения Владимира Алексеевича будут печататься массовыми тиражами одаряя, просветляя и воодушевляя новые поколения.

Т. МАРТЫНОВА

ДМИТРИЙ ПОДОЛЯКА (Донецк)

ПУШКИ ПОДОЖДУТ

В “Нашей Стране” № 2733 было опубликовано письмо в редакцию Антона Громова “Наш путь — борьба”, в котором он пишет о монархической революции и о возможности вооруженной борьбы за восстановление Православного Русского Царства.

Но разве возможно только силой оружия восстановить Святую Русь?

Святитель Иоанн (Максимович) писал: “Россия восстанет, когда поднимет взор свой и увидит, что все святые, в земле российской просиявшие, живы в Божием Царстве, что в них дух вечной жизни и что нам надо быть с ними и духовно коснуться и приобщиться их вечной жизни. В этом спасение России и всего мира... В покаянии, в вере, в очищении да обновится русская земля и да восстанет Святая Русь”.

Нельзя надеяться только на силу оружия. Нужно бороться за народную душу. Необходима просветительская деятельность. Основная масса россиян не имеет ни малейшего представления ни о монархии, ни о

православии. Нынешние православно-сталинистские издания “Русский Дом”, “Наш Современник”, “Русский Вестник”, “Русь Державная” и пр. подсовывают сергианскую подделку под православие и жуткую карикатуру на истинное монархическое мировоззрение своим несчастным читателям.

О духовном состоянии “патриотической” общественности в России можно судить по набирающему силу движению за канонизацию Иоанна Грозного, Григория Распутина, о чем писал еп. Дионисий (Алферов) в своем письме в “Нашу Страну”, и по состоявшейся уже канонизации адмирала Ушакова. Кроме этого, уже поговаривают о возможности прославить Георгия Жукова и Ивана Сусанина. Это свидетельствует о том, что представление о святости у “православных сталинистов” в России просто отсутствует. Владыка Григорий (Грabbе) писал об этом еще после канонизации московской патриархией Дмитрия Донского. А вот почитателей “забытого” собором патриархии 2000 года

Святителя Иосифа Петроградского пока не появилось. Даже Святых Царственных Мучеников московская патриархия прославилась не как мучеников, но как страстотерпцев.

Сергианские богословы и историки-сталинисты типа иерея Даниила Сысоева и Олега Платонова проповедуют беспокаянство. Оказывается и бунт против законного Государя и царубийство, и гонения на Церковь — это все дело рук исключительно жидо-масонов. А “одуроченный простой русский народ” не при чем, и каяться “детям Чапаева” не в чем. Вот наследникам белогвардейцев каяться, по их мнению, нужно, так как Белое Движение было “масонское” и готовило вместе с интервентами “расчленение России”.

Обратите внимание, как любят Сталина все эти “русские вестники” и “русские дома”. Но какой приступ бешенства у них вызывает одно упоминание о генерале Власове. Почему так происходит? Ответ дал генерал Хольмстон-Смысловский еще в 1949 году: “Власов, герой

Советского Союза, явился продолжателем Белой Идеи в борьбе за национальную Россию. Это было страшное явление и в этом была смертельная опасность”. Вспомним, как эти “патриотические” издания вполне серьезно обсуждали идею венчания на царство потомков Жукова.

Вот почему мы должны приложить все силы для того, чтобы рассказать русскому народу об истинном православии и правду о монархии. А до этого времени “королевские аргументы” — пушки, подождут. Профессор Ильин писал: “... искренний и убежденный монархист не может не понимать, что Царя надо заслужить, что ему надо подготовить место в сердцах и на троне. Нельзя предавать Государя опять на изоляцию, измену и поругание”. И если наша миссия удастся, то пушки вообще не понадобятся.

Хотя надежд на это очень мало, но “невозможное человеку возможно Богу”.

ДМИТРИЙ ПОДОЛЯКА

ПЕЧАТЬ

БОЕВАЯ ОБИТЕЛЬ

В газете “Аргументы и Факты” (№ № 19 и 20), Г. Попов, в статье “Как Россия выходила из смуты”, вспоминает героическую оборону Троице-Сергиева монастыря против поляков, душой которой был келарь Авраамий Палицын, и восстанавливает, в кратких словах, историю жизни этого выдающегося человека.

В моей памяти этот эпизод нашей истории запечатлен с детства через стихотворение А. К. Толстого “Ночь перед приступом”, где поэт говорит об отважных монахах:

Они своею кровию
Литве дадут отпор.

ПРИМЕР — ДРУГИМ НАУКА

Из статьи И. Иванова “София без красных звезд” в “Вестнике РОВСа” № 5 выпишем следующий отрывок:

“Нынешняя София мало напоминает Софию 12-летней давности. Улицам и площадям столицы возвращены их исторические названия. Есть теперь и бульвар Царя-Освободителя. Вы не встретите в сегодняшней болгарской столице ни одного коммунистического памятника — вся эта скверна была снесена, вероятно, сразу после падения

коммунистического режима. Срезана пятиконечная звезда со шпиля бывшего “Дома Партии” и вместо нее красуется национальный бело-зелено-красный флаг. А на месте мрачного бункера-мавзолея Димитрова, ныне сравненного с землей, разбиты симпатичные цветочные клумбы”.

РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

“Новое Русское Слово” публикует в номере от 21 мая с. г. интервью с известным французским писателем Анри Труая. Его настоящее имя и фамилия — Лев Тарасов; он родом армянин с греческими корнями. Псевдоним ему пришлось взять, в начале его карьеры, по желанию издателя.

Мы узнаём, что ему тогда помог советами другой писатель. Андре Моруа. Труая прославился не только романами (часто из русской жизни), но и биографиями; в том числе Пушкина (большой и интересный том!) и Лермонтова (маленькая и бледная книжка).

На вопрос, почему он никогда не ездил в СССР, он отвечает: “Пока был Советский Союз, не особенно хотелось ехать. А потом “уже поздно стало, возраст не тот”.

Труая рассказывает, что имел много друзей и знакомых среди русских эмигрантских писателей, в том числе Шмелева, Мережковского и Гиппиус. За свое творчество он был избран во Французскую Академию.

НА ПУТЯХ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

В литературном приложении к “Фигаро”, в номере от 11 июня,

писатель Роберт Литтелль, которого называют “американским Ле Карре”, говорит следующее, по поводу работы американских “секретных служб” и внешней политики Соединенных Штатов, систематически предающих своих союзников. — в Индокитае, в Афганистане, кубинских антикастристов и других:

“Это даже не цинизм, а просто глупость. Они думают, что Америка — великая держава, и потому может позволить себе все, что угодно”.

Относительно Ле Карре, с которым его сравнивают, Литтелль справедливо отмечает, что его романы стали гораздо слабее после падения большевизма в России: он потерял свой главный сюжет...

МОГИЛЬЩИКИ ФРАНЦИИ

“Фигаро” сообщает, в номере от 19 июня, что по случаю 275 лет своей деятельности, французские масоны устраивают большие торжества, а пока пятеро их вождей будут приняты президентом; интервью с оными и их фотографии (жуткие лица... мужские и женские) публикуются к сведению читателей газеты. Как констатируют сотрудники “Фигаро” А. Брезе и П. Бюрна: “Начиная с 1728 года, франкмасоны никогда не переставали играть видную роль в истории нашей страны, действуя через ее учреждения и ее законы”.

Да уж, подлинно, поработали! Когда вступили на сцену, Франция была одним из самых могущественных государств мира, ее культура самой блестя-

щей в Европе, ее язык являлся обязательным для каждого образованного человека в любой стране.

Усилиями ряда выдающихся королей и их министров, — Генриха Четвертого и Сюлли, Людовика Тринадцатого и Ришелье, Мазарини и Короля-Солнце, Людовика Четырнадцатого были преодолены внутренние конфликты, отражены нападения врагов; блестящее будущее сияло на горизонте.

Теперь Франция отодвинута на задворки, язык ее стремительно теряет престиж, в ней царят моральное разложение и глубокий пессимизм: культура — в полном упадке.

Нельзя сказать, что после того, как усилиями масонства была опрокинута монархия, — сломан стеной хребет государства, — не было всплеска возрождения. Но масонство бдило, — его руками все попытки восстановления монархии оказывались ниспровергнутыми. И велась непрестанная, неумолимая борьба против христианской веры, подрывающая душу нации. Борьба, увы, успешная: от религии во Франции мало что и осталось.

И эта война продолжается: вот и в интервью “Фигаро” масоны горячо протестуют против каких-либо официальных упоминаний о том, что у Европы имелось “христианское прошлое”.

Это прошлое нельзя отнять, — но можно исказить о нем упоминания и достигнуть того, чтобы оно было забыто.

В. Р.

ИГОРЬ ВОРОНИН (СПб)

ИВАН СОЛОНЕВИЧ — ЖУРНАЛИСТ, РЕДАКТОР, ИЗДАТЕЛЬ

5

ЭМИГРАЦИЯ. ДО ВОЙНЫ

Издательская деятельность И. Л. Солоневича в эмиграции заслуживает подробного описания. Необходимость издавать собственную газету И. Л. Солоневич обосновал в программной статье «Происхождение и цель «Голоса России», опубликованной в первом номере газеты. Несмотря на безусловный успех «России в концлагере» (она печаталась отдельными очерками в газете П. Н. Милюкова «Последние Новости») и заманчивые гонорары иностранных изданий братья Солоневичи долго тяготились отсутствием полноценной возможности донести свой «рапорт о России» до широкой эмигрантской аудитории.

Был предпринят ряд безуспешных попыток пробиться на страницы эмигрантской печати («Современные Записки» ставили цензурные рамки. «Иллюстрированная Россия» ограничивала в объеме, остальные ведущие издания вообще не удостоивали ответом). Максимум, чего удалось добиться, проживая в Финляндии, это организовать цикл докладов о жизни в СССР. Программу этих выступлений давал Выборгский «Журнал Содружества»: 1. Советский быт, 2. «Эволюция» советской власти; 3. Военная организация страны; 4. Советская молодежь; 5. ОГПУ; 6. Чем держится советская власть; 7. День врачав в советском концлагере; 8. Стахановщина; 9. Советская железная дорога; 10. Наш побег; 11. Беспризорники; 12. Советская семья и женщины; 13. История непокорной молодежи; 14. На советских стройках; 15. Красная армия; 16. Судьба русской интеллигенции в СССР. Доклады вызывали большой интерес среди русских эмигрантов (до 150 слушателей), тем более, что ранее вырвавшиеся из СССР беженцы... не давали таких полных обзоров советской действительности — отмечал журнал.

«Появившиеся на короткий срок в Хельсинки материалы черносотенцы братья Солоневичи, бежавшие из России, пользовались грандиозным успехом» — не без раздражения вспоминает Н. Е. Форсблум, явно не симпатизировавшая антисоветским взглядам Солоневичей.

Тематика докладов и их успех заслуживают внимания уже потому, что круг тем, вошедших в план выступлений, остался актуальным для «Голоса

России» — как газеты, так и одноименного издательства — после того как у Солоневичей появилась возможность переехать в Софию. Более того, эти темы в сочетании с попыткой обозначить контуры будущей, послесоветской, России характеризуют вообще всю довоенную (1936-1940 гг.) издательскую деятельность И. Л. Солоневича.

Итак, 18 июня 1936 года в Софии вышел первый номер еженедельной общественно-национальной газеты «Голос России». На первой странице помещено объявление от редакции: «С этого номера газета «Голос Труда» переименовывается в «ГОЛОС РОССИИ». Редакцией приглашен в качестве ближайшего руководящего сотрудника Иван Лукьянович Солоневич, который принял на себя редактирование целого ряда отделов газеты. В газете будут принимать участие: Б. Л. Солоневич, В. В. Шульгин, В. Парионов, В. М. Левитский, А. И. Ксюнин, С. Л. Войцеховский и др. Издательство газеты взял на себя И. Л. Солоневич».

«Голос Труда» издавался в Софии с 1932 года как орган Русского Обще-Трудового Союза в Болгарии. На короткое время упоминание этой организации оставалось в шапке «Голоса России», до последнего номера в качестве редактора фигурировал на первой странице газеты ее бывший владелец — Н. И. Плавинский. Историю с переименованием объясняет Борис Калинин, товарищ Солоневича по университету: «В то время было невозможно по лучить разрешение на издание новой русской газеты, но выход был найден: уже существовавшее русское издание «Голос Труда» — орган Трудового Союза — передало свои права Солоневичу».

Необходимо отметить еще два определяющих момента для любого периодического издания, а именно: финансирование и постановка технической части (типография, экспедиция, подписка и т. д.). При этом, что издатель изначально ратовал за материальную независимость и следовательно, обрекал свое детище на постоянную нужду в средствах, оба пункта требовали принципиального разрешения. Денежный вопрос решался в духе авантюризма — Солоневичи начали издание «Голоса России» со слепой предвзятости читателей: «И для газеты, и для читателя выгоднее подписка на в возможно

более долгий срок: скажем, на 10 номеров. Выход пяти номеров мы гарантируем. Но остальных пяти читатель рискует и не получить».

«Деньги на газету, — писал И. Л. Солоневич в передовице первого номера, — исключительно наши личные деньги, преимущественно от гонораров иностранной печати, и от чешского издания моей книги и от шведского издания книги моего брата, от лекций и, наконец, от гонораров брата, полученных им на поприще профессиональной борьбы... Денег этих немного. Ни от какой организации денег мы брать не будем, потому что если газета не сможет себя окупить — с нею не будет смысла возиться: мы перейдем полностью на иностранную печать».

Постановка технической части во многом связана с личностью верного соратника И. Л. Солоневича Всеволода Константиновича Левашова (после Второй Мировой войны взявшего псевдоним Дубровский).

«По приезде в Софию, — вспоминал Б. Калинин, — Иван сразу же пришел ко мне и попросил порекомендовать ему типографию, в которой он мог бы печатать газету. Я познакомил его с В. Левашовым, который в то время был مترаншажем в болгарской типографии «Рахвира». Они в 10 минут договорились о технической постановке дела... Газета начала выходить тиражом в 2000 экземпляров, но через 3-4 месяца тираж стал достигать 10-12 тысяч».

И. Л. Солоневич высоко ценил деловые качества В. К. Левашова: «Только один человек; Всеволод Константинович Левашов — писатель в 1939 году, — был совершенно уверен в успехе — гораздо больше, чем был уверен я сам. Он организовал типографскую часть, добыл кое-какие кредиты на бумагу, устроил дело с разрешением и в общем связал свою судьбу с судьбой нашего общего дела... без него газета не могла бы начаться и не могла бы существовать». К этой характеристике необходимо добавить следующее: возникшее через год одноименное газетное издательство также не могло бы существовать без Левашова-Дубровского. В выходных данных он неизменно фигурировал как «Зав. издательства».

Вернемся к информации Б. Калиникова о тираже «Голоса России». Ее в принципе под-

тверждает и Левашов-Дубровский: «Голос России», вышедший в небывалом по тем, а в особенности, по нынешним временам тираже 10.000 экз., — вспоминал он в 1953 году, — в короткий срок достиг цифры в 15.000 экз. и расходился, как говорится, «нарасхват» — без остатка. А 15.000 тиража, как это теперь нам хорошо известно из практики многих лет общения с читателями, означает, что читали его по меньшей мере сто тысяч человек».

Таким образом, приблизительный тираж «Голоса России» (1936-1938 гг.) составлял 12-15 тысяч экземпляров и был не только одним из самых высоких среди еженедельников, но и сопоставим с тиражем ведущих ежедневных газет Русского Зарубежья (лидирующее положение в эти годы, как известно, занимали «Последние Новости» с 32 тысячами).

На начальном этапе, по словам И. Л. Солоневича, «помогли галлиполийцы и в особенности новопоколенцы (члены Национально-Трудового Союза Нового Поколения — И. В.) — дали адреса своих предстателей. Я использовал все связи, которые накопились по моей переезде со всеми странами мира».

В № 5 от 16 июля 1936 года были опубликованы адреса 18 предстателей, а уже к концу года их число удвоилось. Максимальное же число стран, где читатели «Голоса России» могли оформить подписку, достигало 38. При этом необходимо учитывать, что в некоторых странах имелось по несколько предстателей (например в Австралии их было 7) и в то же время иногда один человек предстательствовал сразу в нескольких странах (например — Палестина, Сирия, Ирак, восточные страны). Помимо частных лиц (среди которых встречались такие известные деятели эмиграции, как С. Л. Войцеховский, С. М. Кельнич, С. А. Субботин, А. А. Баумгартен) в списке предстателей указывались адреса книжных магазинов, библиотек, газетных киосков и организаций (среди послевоенных, например, — Русское Трудовое Христианское Движение в Югославии и «Русский Национальный Дом» в Уругвае).

Как было сказано выше, главным и источником финансирования издательской деятельности была деятельность писательская. Тон задавал Иван Лукьянович. «Россия в концлагере», впервые увидевшая свет на страницах «Пос-

ледних Новостей“ П. Н. Милюкова, только до войны выдержала около 20 изданий на всех европейских языках, причем на чешском вышла отдельной книгой даже раньше, чем на русском. Общий тираж этих изданий оценивался И. Л. Солоневичем так: “по-русски — шесть тысяч, на иностранных языках — около трехсот тысяч”. Это данные на лето 1939 года, а например, издания на датском и исландском языках увидели свет позднее. Полной информацией по иностранным изданиям “России в концлагере” мы, к сожалению, не обладаем, но имеющиеся в нашем распоряжении факты говорят о том, что писательская известность И. Л. Солоневича простиралась далеко за пределы эмигрантской аудитории.

Читательская аудитория книг брата И. Л. Солоневича и жены Тамары Владимировны была скромнее, но и они могли занести себе в актив не по одному переводному изданию своих произведений.

Традиционная для эмигрантских изданий “Литературная страница” была заведена с первого номера и в “Голосе России”. Из восьми полос она занимала две — центральный разворот. Девиз газеты — “Только о России” — распространялся и на этот отдел, в котором публиковались воспоминания о жизни в СССР — сначала только членов семьи Солоневичей, затем и других авторов.

Начало деятельности И. Л. Солоневича в качестве книгоиздателя приходится на 1937 год.

В этом году издательство “Голос России” выпускает две книги Бориса Солоневича: “Молодежь и ГПУ” с подзаголовком “Жизнь и борьба советской молодежи” (София: Голос России, 1937. — 464 с.) и “День врача в концлагере” (София: Голос России, 1937).

Первая представляет собой воспоминания о Гражданской войне, жизни в СССР, подпольной работе по скаутизму (выходила также на немецком, шведском и французском языках, в 1938 году готовилось издание на голландском языке). Вторая книга — посвящена лагерной тематике и описывает будни начальника санитарной части; полностью опубликованная в газете, она лишь в сокращении вошла отдельной главой в книгу “Молодежь и Г. П. У.” В 1938 г. “День врача” вышел на болгарском языке (было переиздание в 1991 г.).

В том же 1937 году выходят “Записки советской переводчицы” Т. В. Солоневич (София: Голос России, 1937 — 221 с.) и сборник очерков и повестей И. Л. Солоневича — “Памир: советские зарисовки” (София: Голос России, 1937. — 224 с.). “Записки...” выдержали, кроме того, два немецких издания и одно польское, в 1938 году готовились к печати переводы на

голландский, датский, английский и французский языки.

В следующем, 1938 году в издательстве “Голос России” выходят: И. Л. Солоневича — третье издание “России в концлагере” (первые два вышли в 1936 г. в издательстве НТСНП) и второе издание “Памира”, воспоминания Юрия Солоневича “Повесть о 22-х несчастях” (София: Голос России, 1938. — 291 с.); своеобразное продолжение “Молодежи и Г. П. У.” Б. Л. Солоневича — “На советской низовке: Очерки из жизни низового советского люда” (София: Голос России, 1938. — 240 с.). Отдельного внимания заслуживает брошюра “Спортивный комплекс “За Россию” (София: Голос России, 1938). — 16 с). Аналог комплекса норм ГТО, разработанный братьями Солоневичами, — программа физической, военной и политической подготовки — первоначально публиковался в газете от 15 декабря 1938 года. Комплекс был взят на вооружение рядом эмигрантских организаций: молодежью Всероссийской фашистской партии, Стрелковой дружиной РОВС, парижской группой “Белая идея”, Русским обществом молодежи в Варшаве, поддержан НТСНП.

Вообще, на 1938 год пришелся пик издательской деятельности И. Л. Солоневича. Сыграли свою роль и внешние обстоятельства — в частности, закрытие болгарскими властями газеты “Голос России” обусловило выход трех брошюр Ивана Лукьяновича: “К суду офицерской чести, к суду русской совести и русского ума” (София: Голос России, 1938 — 15 с.); “Россия и гитлеризм” (София: Голос России, 1938. — 15 с.); “Четыре года” (София: Голос России 1938. — 15 с.), Первая из брошюр, изданных И. Л. Солоневичем в перерыве между прекращением выпуска газеты “Голос России” и выходом первого номера ее продолжательницы “Нашей Газеты”, в каталогах иностранных библиотек именуется обычно по подзаго-

ловку — “Нашим друзьям”.

Закрытию “Голоса России” (последний номер вышел 9 августа 1938 года) предшествовала трагедия: от взрыва бомбы, присланной в редакцию советскими агентами, погибли Т. В. Солоневич и секретарь Н. П. Михайлов. Незавершенные воспоминания Тамары Владимировны “Три года в Берлинском торгпредстве” (София: Голос России, 1938. — 256 с.) вышли посмертно. Как и “Повесть о 22-х несчастях”, эта книга была издана в твердом переплете, что для издательства “Голос России” являлось исключением.

Первый номер “Нашей Газеты” увидел свет 19 октября 1938 года. Издание осуществлялось далеко не рядовым образом. Из соображений безопасности И. Л. Солоневич переехал в Германию, а В. К. Левашов продолжал выпуск газеты под новым названием и в должности редактора — в Болгарии. При этом книги продолжали выходить от имени издательства “Голос России”.

1939 год был посвящен попыткам реализации необычного для эмиграции проекта книжной серии “Белая библиотека”. “Нужно дать зарубежью сумму каких-то элементарнейших, простых, ясных и хорошо написанных книжек о самых элементарных, самых насущных проблемах современной русской жизни: о земле, о православии, монархии, об империи, о рабочем вопросе о промышленности, об еврействе и прочее”, — так И. Л. Солоневич кратко сформулировал основную идею “Белой Библиотеки”. Три книги этой серии: М. З. Никонов-Сморозин “Поземельное хозяйство крестьянской России” — София: Голос России, 1939 — 172 ст. Б. О. Тряпкин, “Церковь и Государство”, — София: Голос России, 1939, — 33 стр. Г. П. Апанасенко, “Нация” София: Голос России, 1939, 84 стр.

Второй и третий выпуски серии были изданы одной книгой — под редакцией идеологической комиссии Русского

Национального Союза Участников Войны “Союзника “Штабс-капитанского” движения по Национальному Фронту).

Жизнь “Нашей Газеты” оказалась недолгой. Яростная полемика с верхами эмиграции, начатая И. Л. Солоневичем еще в “Голосе России”, а главное — Вторая Мировая война, предопределили судьбу его изданий. Последний номер “Нашей Газеты”, тираж которой держался в районе 10000 экз., вышел 18 января 1940 года.

Можно предположить, что закрытие газеты коснулось также и издательства. По крайней мере, в качестве издателя “Политических тезисов Российского народно-имперского (Штабс-капитанского) движения” (София, 1940. — 67 с.) в каталоге Русского Заграничного Исторического Архива в Праге значится В. Левашов.

В мае-августе 1940 года И. Л. Солоневич предпринял еще одну попытку продолжить выпуск периодического издания — двухнедельного журнала “Родина”, но после выхода шести номеров стало ясно, что и эта попытка обречена.

Следует упомянуть также два побочных аспекта исследуемой темы. Во-первых, это издательская деятельность “Штабс-капитанского” движения, основанного И. Л. Солоневичем. И, во-вторых, целый ряд пропагандных брошюр, авторами которых стали его политические оппоненты, включая брата Бориса (разрыв произошел в 1939 году). Эти два направления дают в сумме еще более 10 наименований книг и брошюр.

Возвращаясь к “Белой библиотеке” любопытно отметить, что сам Солоневич, уже после войны, понимал серию в расширенной трактовке. Помимо трех выпусков, означенных выше, он включает сюда следующие издания: И. Солоневич “Политические Тезисы Народно-Имперского Движения” (два издания). Без автора (Белград) “Что говорит Ив. Солоневич” — два издания. Я. Вагнер (Прага) “Солоневича судят” (два издания). И. Солоневич “Белая Империя” — Шанхай (два издания). И. Солоневич. Избранные статьи (Шанхай).

Есть также серьезные основания полагать, что не без участия лидера “штабс-капитанов” вышли в свет воспоминания В. О. Унишевского “Записки советского летчика” (София: изд. автор, 1940 — 188 с.) и сборник работ фельетониста “Нашей Газеты” М. Карпова “Разноцветные камешки” (София, изд. автор, 1940).

Наконец, совсем недавно В. Бойковым в эстонском архиве была обнаружена работа И. Л. Солоневича “Основы штабс-капитанского движения”, которая распространялась среди единомышленников в машинописных копиях.

АНТИМОНАРХИЗМ НТС

В “НС” 2727-28 Р. Полчанинов утверждает, что НТС не был враждебен монархической идее и монархистам. Я не берусь судить о НТСНП, но НТС послевоенный был явно антимонархической организацией. Солидаристы неоднократно заявляли, что они продолжают февральскую революцию 1917 года. Издания НТС печатали панегирики Февралю, Керенскому и К^о.

Да и для того, чтобы быть враждебным монархической идее не обязательно открыто с ней бороться. Достаточно утверждать противоположные ей принципы.

Критика НТС, его идеологии, красной нитью проходят сквозь 55 лет существования “Нашей Страны”. Против НТС выступали И. Солоневич, Б. Башилов, С. Войцеховский, генерал Б. Хольмстон-Смысловский и многие другие.

Р. Полчанинов пишет, что в НТС были и монархисты. Что ж, Гучков и Шульгин тоже были монархистами. Да хранит нас Бог от таких монархистов!

АНТОН ГРОМОВ

ИГОРЬ ВОРОНИН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

АРХИЕПИСКОП СЕРАФИМ

Нам пишут из СПб:

“Вестник“ Русского Обще-Воинского Союза опубликовал письмо в редакцию проживающего на покое во Франции архиепископа Серафима (Дулгова) подчеркнувшего недопустимость компромиссов белых эмигрантов с наследниками большевиков. “Когда Путин побывал на нашем кладбище в Сент Женевьев де Буа, где находятся могилы корниловцев и других участников Белой Борьбы, многие в Зарубежье были в восторге. А между тем истинный смысл этого посещения был такой: “Я на ваши могилы иду. А вы должны также почитать наших красных героев“.

Принадлежащий к Русской Зарубежной Церкви иерарх отметил также, что издаваемый в Москве “военно-христианский“ журнал “Отечество и Вера“ оставляет “крайне двойственное впечатление. С одной стороны критика советского маршала Жукова — удивительный для постсоветского журнала материал. Это замечательно! Но, увы, присутствует в этом издании и национал-большевизм“.

ЛИДЕР “ПАМЯТИ“

Нам пишут из Москвы:

В Переяславле-Залесском, в 100 км. от столицы, скончался руководитель Национал-Патриотического Фронта “Память“ Дмитрий Дмитриевич Васильев. “Причина смерти пока не установлена“, заявил представитель этой организации.

Д. Д. Васильев возглавлял радикальную группу русских националистов-монархистов с 1985 года. В 1993 году штаб его “Памяти“ размещался в московской Марфо-Мариинской обители, где также находилось подворье представителя Русской Зарубежной Церкви епископа Варнавы (Прокофьева). Вскоре однако Васильев решил перейти в Московскую Патриархию и епископ Варнава был удален из монастыря.

Отпевание Васильева было совершено в храме во имя Иконы Божьей Матери на Ордынке, где служит бывший священник Зарубежной Церкви Олег Стеняев. Присутствовало около ста человек. Среди них — 13

бойцов в черной форме и сапогах и председатель Всероссийского Монархического Центра Н. Н. Лукьянов. Не было ни одной телекамеры.

КНЯЗЬ А. П. ЩЕРБАТОВ

Нам пишут из Нью Йорка:

Здесь на 93 году жизни скончался, родившийся в Санкт-Петербурге, историк и общественно-политический деятель Алексей Павлович Щербатов. Его отец был адъютантом Великого Князя Николая Николаевича, а мать урожденной княгиней Барятинской. В 1920 году семья эвакуировалась из Крыма в Болгарию, и затем осела в Бельгии, где А. П. Щербатов окончил университет, получив диплом по истории и экономике.

Переехав в США, князь Щербатов в течение 30 лет преподавал историю в университете Фарлей-Дикинсон в штате Нью Йорк. В 1945 году работал над Смоленским архивом ГПУ-НКВД за 1917-1941 гг., который большевики не успели эвакуировать; он попал в руки немцам, вывезшим его в Германию, где в свою очередь им завладели американцы и отправили часть его в США. Изучая эти документы, князь Щербатов сделал ряд заключений о ключевой роли интернациональных бригад из австро-венгерских военнопленных и других иностранцев в России во время Гражданской войны.

Много лет он был председателем Союза Дворян в США, являлся вице-председателем Русской Академической Группы

в этой стране и членом созданной П. Н. Колтыпиным Русской Зарубежной Экспертной Комиссии, пришедшей к заключению о недостаточности данных для подтверждения подлинности останков Царской Семьи.

Покойный был специалистом по генеалогии дворянских родов России и королевских родов Европы. Являлся также членом Конгресса Русских Американцев. У него хранились 19 писем имама Шамиля, сдавшегося после длительной борьбы с русской Императорской Армией на Северном Кавказе генералу Барятинскому, деду Алексея Павловича, таким образом подавшего пример благоразумия чеченским сепаратистам 21-го века.

Кладбище Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле стало последним прибежищем этого представителя рода Рюриковичей.

В последние годы он работал над своими воспоминаниями, которые должны скоро увидеть свет.

Убежденный монархист, по случаю 50-летия “Нашей Страны“ он писал: “От всего сердца поздравляю редакцию и сотрудников со славным для всех русских монархистов радостным 50-летним юбилеем уникальной и исторической газеты “Наша Страна“. Я хорошо помню основателя газеты Ивана Лукьяновича Солоневича по Болгарии, где мы не раз встречались и обсуждали волнующую нас тему — будущее России“.

По мнению князя Щербатова, “И. Л. Солоневич был гениальным публицистом и одним из передовых политических мыслителей России 20-го века.

Все его труды исключительно интересные, но “Народная Монархия“ остается незаменимым вкладом в историю русского национал-политического мышления“.

БИБЛИОТЕКА ЭМИГРАЦИИ

Нам пишут из Москвы:

Здесь состоялась церемония закладки будущего здания Библиотеки Русского Зарубежья, в присутствии Натальи Дмитриевны Солженицыной, супруги ее основателя. Новое здание будет построено рядом с нынешним помещением Библиотеки-Фонда “Русское Зарубежье“ на Нижней Радищевской улице. Библиотечный комплекс с площадью в 8 тысяч квадратных метров будет соединен со старым зданием галереями.

Помимо книгохранилища и читальных зал здесь будет первый в России музей русской эмиграции, а также конференц-зал, книжный магазин и другие помещения. Свое новоселье библиотека справит в первой половине 2004 года. Одновременно будут расширяться и фонды библиотеки. Сейчас в ней более 40 тысяч книг и более тысячи рукописей. В новом здании можно будет разместить почти полмиллиона изданий.

Решение расширить библиотеку было принято по инициативе А. И. Солженицына. Еще в 1977 году он обратился к русской эмиграции с просьбой присылать ему воспоминания и другие материалы о Царской России.

ТРУМАН — АНТИСЕМИТ?

Нам пишут из Вашингтона:

“Мне кажется, евреи очень эгоистичны. У них нет чувства соразмерности, и они не имеют суждения в мировых событиях“, — записал в своем дневнике 21 июля 1947 года 33-й президент США Гарри Труман.

Дневник был обнаружен недавно в библиотеке города Индепенденс, как сообщила газета “Вашингтон Пост“.

Содержание дневника озадачило историков, поскольку известно, что Труман активно способствовал обустройству евреев в послевоенной Европе, а в 1948 году, вопреки мнению Государственного Департамента, поддержал образование государства Израиль.

“Симпатия Трумана к евреям была очевидна. Однако его комментарии в дневнике содержат типичные антисемитские настроения, широко распространенные в то время в американском обществе“, заявила директорша американского Музея Холокоста Сара Блумфильд.

Церковно-Приходской Совет храма Покрова Пресвятой Богородицы в буэносайресском пригороде Темперлей со скорбью сообщает о кончине своих прихожан:

†

певчей хора

АНТОНИНЫ КОНСТАНТИНОВНЫ ГОЛОВАНОВОЙ
последовавшей 30 июня на 80-м году жизни;

†

члена Совета и регента хора
ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ СЕДЛЯРЕВИЧ
последовавшей 24 августа на 64-м году жизни и

†

долголетнего секретаря Совета
ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ НОВИЦКОЙ
последовавшей 8 сентября на 90-м году жизни,

**и выражает свое соболезнование
родственникам почивших.**

**Вечная память верным дочерям Исторической
России!**